

НЕПРЕСТУПНЫЕ ДЕЯНИЯ В СООТВЕТСТВИИ С УЛОЖЕНИЕМ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 ГОДА

Д. А. Гарбатович

*Уральский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Челябинск,*

А. Н. Классен

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Традиционно принято считать, что уголовное законодательство, наука уголовного права развиваются вокруг двух краеугольных терминов «преступление» и «наказание», исследуются вопросы о сущности преступного деяния, его общественной опасности и соответствующего ему вида и размера уголовного наказания. Тем не менее уже первые источники законодательства Древней Руси, последующие нормативно-правовые акты, в частности Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), в уголовно-правовых нормах предусматривали «непреступные деяния», которые также обладали определенной социальной значимостью в зависимости от соответствующего исторического периода. Непреступное деяние, причиняющее вред, может быть социально полезным, например, причинение смерти, вреда здоровью при защите жизни, собственности, жилища в состоянии необходимой обороны, либо классово одобряемым, общественно нейтральным, например, причинение вреда в состоянии крайней необходимости.

Главное последствие совершенного непреступного деяния, предусмотренного уголовно-правовой нормой, заключается в том, что оно ненаказуемо, является основанием освобождения от уголовной ответственности, обстоятельством, исключающим его преступность, основанием замены одного наказания на более мягкий вид наказания.

Предусмотренные Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) непреступные деяния можно было разделить на два вида: 1) уголовно-правовые деяния, не признаваемые противоправными и наказуемыми вследствие: а) невиновного причинения вреда; б) малолетнего возраста; в) отсутствия способности разумного поведения; г) причинения вреда при случайной ошибке или вследствие обмана; д) причинения вреда в результате принуждения от превосходящей силы; е) причинения вреда в состоянии необходимой обороны; ж) отказа по собственной воле от совершения преступления; з) «свидетельского иммунитета»; 2) уголовно-правовые деяния, влияющие на: а) уменьшение или увеличение вины и наказания; б) замену одного вида наказания на более мягкий вид; в) освобождение от наказания.

Ключевые слова: *непреступное деяние, освобождение от ответственности и наказания, замена наказания.*

В статье под непреступными уголовно-правовыми деяниями будут пониматься: 1) противоправные деяния, которые при определенных условиях, предусмотренных Уложением, признавались ненаказуемыми и не вменялись в вину лицу, их совершившему; 2) непреступные деяния, предусмотренные Уложением, но имеющие свое собственное уголовно-правовое значение.

Все преступления и проступки в Уложении классифицировались на два вида: умышленные и неумышленные. Лицо, причинившее вред «случайно, не только без намерения, но и

без всякой со стороны учинившего оное неосторожности» [1, с. 114], не считалось виновным в содеянном (ст. 7 Уложения).

Уложение предусматривало перечень обстоятельств, при наличии которых лицо не признавалось виновным в содеянном. К указанным обстоятельствам относилось: 1) невиновное деяние, когда вред был случайным и непредвиденным последствием; 2) малолетний возраст, когда подсудимый еще не мог осознавать социальную значимость совершаемого деяния; 3) безумие, сумасшествие, болезненные состояния с потерей способно-

сти разумного поведения, беспамьяства; 4) деяние, совершенное вследствие случайной ошибки или вследствие обмана; 5) принуждение от превосходящей непреодолимой силы; 6) необходимая оборона (ст. 98 Уложения).

Случайное причинение вреда отграничивалось от неосторожного деяния и признавалось невиновным. Но если виновное деяние приводило к иным непредвиденным последствиям, лицо несло ответственность лишь за тот вред, который оно намеревалось причинить (ст. 99 Уложения).

Субъектами уголовной ответственности признавались лица, достигшие семилетнего возраста, до достижения установленного возраста за совершенные преступления и проступки малолетние отдавались на воспитание родителям, опекунам или родственникам (ст. 100 Уложения).

Преступления или проступки, совершенные безумными от рождения или сумасшедшими, не вменялись им в вину при условии, если было доказано, что по своему состоянию в момент совершения деяния они не могли знать о его противоправности и не способны были осознавать социальную значимость совершаемых действий. Но если в указанном состоянии лица совершали убийство или покушение на убийство, пытались совершить самоубийство, учиняли поджоги, они помещались в дома умалишенных даже в тех случаях, когда родители или родственники были готовы их взять к себе для осуществления за ними надзора и соответствующего лечения (ст. 101 Уложения).

Аналогичным образом не вменялись в вину преступления и проступки лицам, которые, будучи больными, совершили деяния в доказанном состоянии умоисступления или беспамьяства. Указанные положения распространялись также на лиц, «потерявших умственные способности и рассудок от старости или дряхлости, и на лунатиков (сонноходцев), которые в припадках своего нервного расстройства, действуют без надлежащего разума» (ст. 103 Уложения) [1, с. 126].

Не подвергались наказанию за преступления и проступки глухонемые от рождения, а также лица, лишенные слуха и языка в детском возрасте, когда не было сомнения в том, что они не получили должного понимания о своих обязанностях, законодательных запретах через соответствующее воспитание, обще-

ственное воздействие или иные источники информации (ст. 104 Уложения).

В случае, когда противоправное деяние совершалось вследствие случайной ошибки, обмана (неведения) относительно обстоятельств, наличие которых превращало деяние в незаконное, содеянное не вменялось лицу, но в некоторых случаях оно могло быть приговорено к церковному покаянию (ст. 105 Уложения).

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных имелись нормы, свойственные современному институту крайней необходимости. Так, для предотвращения опасности, угрожавшей непосредственно жизни, допускалось причинение меньшего вреда, если указанная опасность не могла быть устранена иными средствами: «Учинившему противозаконное деяние вследствие непреодолимого к тому от превосходящей силы принуждения и токмо для избежания непосредственно грозившей его жизни в то самое время неотвратимой другими средствами опасности, содеянное им также не вменяется в вину» (ст. 106 Уложения) [1, с. 126].

Институт необходимой обороны был детально разработан в Уложении. В законе были описаны конкретные виды вреда здоровью, которые могли быть причинены нападающему в процессе защиты от общественно опасного посягательства, а также условия правомерности необходимой обороны. Так, в процессе необходимой обороны допускалось любое «употребление силы и каких бы то ни было мер для отражения нападения, равно и нанесение притом нападающему ран, увечья и самой смерти» при наличии следующих условий: 1) отсутствовала возможность обратиться за защитой к местным и наиболее ближайшим органам власти; 2) нападение было опасным для жизни, здоровья, свободы защищаемого, либо посягательство осуществлялось воров, разбойником, лицом, насильственно вторгающимся в жилище обороняющегося.

Необходимая оборона допускалась также в случаях, когда застигнутый при совершении хищения или уничтожения чужого имущества преступник сопротивлялся своему задержанию или прекращению своей преступной деятельности. О каждом случае необходимой обороны нужно было сообщать соседям и соответствующему начальству. Вред, причиненный после предотвращенного посягатель-

ства, считался напрасным, что признавалось злоупотреблением обороной, лицо подлежало наказанию в зависимости от причиненного вреда, а также побуждений, которыми руководствовался бывший обороняющийся (ст. 107 Уложения).

Меры, применяемые в процессе необходимой обороны, допускались не только для собственной защиты, но и для защиты иных лиц, которые подверглись опасному посягательству.

Положительным моментом Уложения был тот факт, что в нем специально оговаривалось право женщины на неограниченную необходимую оборону при защите половой свободы и половой неприкосновенности: «Оборона также признается необходимою и со стороны женщины против посягающего насильственно на ее целомудрие и честь» (ст. 108 Уложения) [1, с. 127].

Лицо не подлежало наказанию, если в процессе совершения приготовления или покушения на преступление лицо по собственной воле не завершало задуманное до конца, то есть в Уложении имелись нормы о добровольном отказе от совершения преступления. Лицо подлежало наказанию лишь в том случае, когда совершенные им при приготовлении или покушении на преступление действия уже сами по себе признавались преступным деянием. «Когда учинивший приготовление к преступлению или иже и покусившийся на оное остановился при том и по собственной воле не совершил преднамеренного, то он подвергается наказанию лишь в том случае, если содеянное им при сем приготовлении и покушении есть само по себе преступление, и только за сие преступление, а не за то, которое он был прежде намерен совершить» (ст. 119 Уложения) [1, с. 128].

Нормы Уложения дифференцируют возможность добровольного отказа от совершения преступления со стороны соучастников. Условиями освобождения пособника от наказания в связи с добровольным отказом были: 1) отказ в оказании помощи в совершении преступления; 2) своевременное сообщение о готовящемся преступлении органам власти. Лицо, отказавшееся от оказания помощи в совершении преступления, подлежало уголовному наказанию за недонесение об известном ему готовящемся преступлении: «Обещавшие способствовать содеянию преступления, но потом отсего отказавшиеся и однако

же не донесшие своевременно о том начальству, подвергается определенному в законах наказанию за недонесение об известном злом умысле» (ст. 127 Уложения) [1, с. 128–129].

Соучастники преступления имели возможность по собственной воле отказаться от доведения преступления до конца, от его завершения, до стадии покушения на преступление, в этом случае они не подлежали уголовному наказанию, если законом не предусматривалось наказание за один умысел на совершение преступного деяния. При освобождении от наказания в связи отказом от совершения преступления в зависимости от обстоятельств в отношении соучастников мог быть установлен надзор со стороны полиции (ст. 128 Уложения).

В Уложении закреплялись условия, при наличии которых недонесение о преступном деянии считалось ненаказуемым, появляется так называемый «свидетельский иммунитет». За недонесение о совершенном преступлении не подвергались наказанию следующие лица: «дети на родителей и вообще на родственников по прямой восходящей линии, а равно и родители на детей и прочих, нисходящих по прямой линии, супруги на супругов, и родные братья и сестры на сестер и братьев» (ст. 134 Уложения) [1, с. 129]. В некоторых случаях наказание могло быть смягчено или полностью отменено за недонесение о совершенном преступлении, «если недонесший был с учинившим преступление в близких связях свойства, до второй степени включительно, или же получил от него воспитание, или иным образом был им облагодетельствован» (ст. 134 Уложения) [1, с. 129].

В Уложении закрепляются обстоятельства, увеличивающие и уменьшающие вину и наказание (гл. IV, V). Некоторые из этих обстоятельств связаны с так называемым посткриминальным поведением, когда Уложением при назначении наказания и определении вины учитывается поведение лица после совершения им преступного деяния.

Так, к обстоятельствам, увеличивающим наказание и вину, относились случаи, когда виновный во время следствия, суда давал ложные показания, отказывался от сотрудничества, пытался перевести подозрение на невиновных лиц, сообщал ложные сведения о совершении преступления иными лицами: «Чем более виновный при следствии и суде оказывал неискренности и упорства в запира-

тельстве, особливо если при этом он старался возбудить подозрение на невиновных, или даже клеветал на них» (п. 9 ст. 135 Уложения) [1, с. 130].

Положительное посткриминальное поведение Уложением было предусмотрено в следующих обстоятельствах, уменьшающих вину и наказание:

1) при добровольной явке с повинной, когда до какого-либо подозрения лицо приходило в суд или в органы государственной власти и признавалось в совершенном преступлении (п. 1 ст. 140 Уложения);

2) при признании своей вины и раскаянии в совершенном преступлении, если это происходило на первых допросах и лицо без особых убеждений не отрицало свою причастность к содеянному: «Если он, хотя и после уже возбуждения на счет его подозрения, но вскоре без упорства, по одному из первых на допросе убеждений или увещаний, учинил с раскаянием полное во всем признание» (п. 2 ст. 140 Уложения) [1, с. 130];

3) при сотрудничестве со следствием, когда лицо своевременно способствовало расследованию преступного деяния посредством указания на всех соучастников преступления (п. 3 ст. 140 Уложения);

4) в момент совершения преступления, когда он почувствовал раскаяние или сожаление к потерпевшим, вследствие чего отказался от реализации своего преступного намерения до конца и сдержал других соучастников: «Если при самом содеянии преступления он почувствовал раскаяние или сожаление к жертвам оно и по сему убеждению не совершил всего преднамеренного им зла, особливо же, когда он удержал от того и своих сообщников» (п. 8 ст. 140 Уложения) [1, с. 130];

5) если после совершения преступления виновное лицо пыталось предотвратить наступление некоторых общественно опасных последствий совершенного им деяния, а также возместило потерпевшему причиненный ущерб: «Если он по содеянии преступления старался по крайней мере отвратить хотя некоторые из вредных оно последствий и вознаградить причиненные оным зло или убыток» (п. 9 ст. 140 Уложения) [1, с. 130].

Последствием совершения некоторых положительных посткриминальных поступков было не просто смягчение наказания, а замена одного вида наказания, предусмотренного за

конкретное преступление, на иной более мягкий вид наказания.

К таким случаям относилось совершение виновным следующих положительных посткриминальных поступков: 1) явка с повинной в суд; 2) чистосердечное признание своей вины на первых допросах по подозрению его в совершении преступления; 3) предоставление информации об иных соучастниках преступления; 4) предупреждение совершения иного преступного деяния посредством своевременного предоставления информации о нем (п. 1 ст. 157 Уложения).

Основанием для отмены наказания являлось примирение виновного с потерпевшим (п. 2 ст. 160 Уложения). Указанное основание могло применяться только в тех случаях, когда возбуждение производства по делу о совершенном проступке или преступлении начиналось исключительно по частной жалобе потерпевшего или оскорбленного, за исключением некоторых противоправных деяний, предусмотренных законом: «Когда преступление или проступок такого рода, что оные на основании законов не иначе могут подлежать ведению и рассмотрению суда, как вследствие жалобы, обиженным или оскорбленным чрез то противозаконное деяние частным лицом приносимой, то приговор о наказании виновного отменяется, если принесший жалобу примирится с виновным прежде исполнения приговора» (ст. 162 Уложения) [1, с. 133].

Наказанием могло быть отменено за давностью, когда с момента совершения преступления или проступка прошло определенное количество времени, в течение которого, несмотря на проведенное следствие, виновный не был обнаружен. Интересным представляется тот факт, что, в отличие от ст. 78 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности»), Уложение не предусматривало возможность приостановления течения сроков давности, если лицо, совершившее преступление, уклонялось от следствия, главное, чтобы оно не было обнаружено.

Наказание не могло быть отменено за давностью при совершении лицом следующих отрицательных посткриминальных поступков: 1) смена православной религии на иную веру – христианскую, также признаваемую в России; 2) отказ от христианской веры; 3) заключение противоправного брака; 4) присвоение не принадлежащего лицу состояния,

должности, чина, ордена, почетного титула или имени. «Сила постановлений о давности не распространяется на вину перешедших из церкви православной в другое, хотя и пользующееся свободой богослужения в России, христианское вероисповедание, и тем не менее еще на преступление отпадших вовсе от веры христианской, как беспрерывно продолжающиеся, доколь они не обратились в долгу. На сем же основании давность не распространяется и на вступивших заведомо в противозаконный брак, и на виновных в присвоении себе не принадлежащих им состояния, должности, чина, ордена, почетного титула, или имени» (ст. 167 Уложения) [1, с. 134].

Таким образом, предусмотренные Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года непроступные деяния можно было разделить на два вида:

1) уголовно-правовые деяния, не признаваемые противоправными и наказуемыми вследствие: а) невиновного причинения вреда;

б) малолетнего возраста; в) отсутствия способности разумного поведения; г) причинения вреда при случайной ошибке или вследствие обмана; д) причинения вреда в результате принуждения от превосходящей силы; е) причинения вреда в состоянии необходимой обороны; ж) отказа по собственной воле от совершения преступления; з) «свидетельского иммунитета»;

2) уголовно-правовые деяния, влияющие на: а) уменьшение или увеличение вины и наказания; б) замену одного вида наказания на более мягкий вид; в) освобождение от наказания.

Литература

1. Бытко, Ю. И. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков / Ю. И. Бытко, С. Ю. Бытко. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. – 786 с.

Гарбатович Денис Александрович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Уральский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Челябинск. E-mail: garbatovich@mail.ru.

Классен Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, директор Юридического института, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.

Статья поступила в редакцию 22 декабря 2017 г.

DOI: 10.14529/law180103

NON-CRIMINAL ACTS IN ACCORDANCE WITH THE CODE OF CRIMINAL AND CORRECTIVE PUNISHMENTS OF 1845

D. A. Garbatovich

Ural Branch of the Russian Academy of Justice, Chelyabinsk, Russian Federation

A. N. Klassen

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Traditionally, it is considered that the criminal legislation and the science of criminal law develop around two cornerstones of "crime" and "punishment". The article explores the problems of the nature of the criminal act, its public danger and the corresponding type and size of criminal punishment. Nevertheless, already the first sources of the legislation of Ancient Rus, the subsequent legal acts, in particular the Code of Criminal and Corrective Punishments (1845), in the criminal law norms provided for "non-criminal acts" that also had a certain social significance in criminal law depending on the

corresponding historical period. A non-criminal act that inflicts harm can be socially useful, for example, causing death, harm to health while protecting life, property, dwelling in the state of necessary defense, or class-approved, essentially neutral, for example, causing harm in a state of extreme necessity.

The main consequence of the committed non-criminal act provided for by the criminal law norm is that it is not punishable, it is the basis for exemption from criminal liability, a circumstance that excludes its criminality, the reason for replacing one punishment with a milder form of punishment.

The non-criminal acts envisaged by the Code of Criminal and Corrective Punishments (1845) could be divided into two types: 1) criminal acts that are not recognized as unlawful and punishable because of: a) innocent harm; b) young age; c) lack of the ability of reasonable behavior; d) causing harm in case of accidental error or due to fraud; e) causing harm as a result of coercion from a superior force; e) causing harm in the state of necessary defense; g) refusal of own will from committing a crime; h) "witness immunity"; 2) criminal acts affecting: a) reducing or increasing guilt and punishment; b) replacing one type of punishment with a softer kind; c) exemption from punishment.

Keywords: *criminal act, exemption from liability and punishment, replacement of punishment.*

References

1. Butko Y. I., Butko S. Y. *Sbornik normativnyh aktov po ugovolnomu pravu Rossii X–XX vekov* [Collection of normative acts on the criminal law of Russia X-XX centuries]. Saratov, 2006, 786 p.

Denis Alexandrovich Garbatovich – Candidate of Sciences (Law), associate Professor, Deputy Director on scientific work, Ural branch of the Russian state University of justice, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: garbatovich@mail.ru.

Alexander Nikolaevich Klassen – Candidate of Sciences (Law), associate Professor, Director of Institute of Law, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation.

Received 22 December 2017.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Гарбатович, Д. А. Непреступные деяния в соответствии с уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / Д. А. Гарбатович, А. Н. Классен // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 18–23. DOI: 10.14529/law180103.

FOR CITATION

Garbatovich D. A., Klassen A. N. Non-criminal acts in accordance with the code of criminal and corrective punishments of 1845. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 18–23. (in Russ.) DOI: 10.14529/law180103.